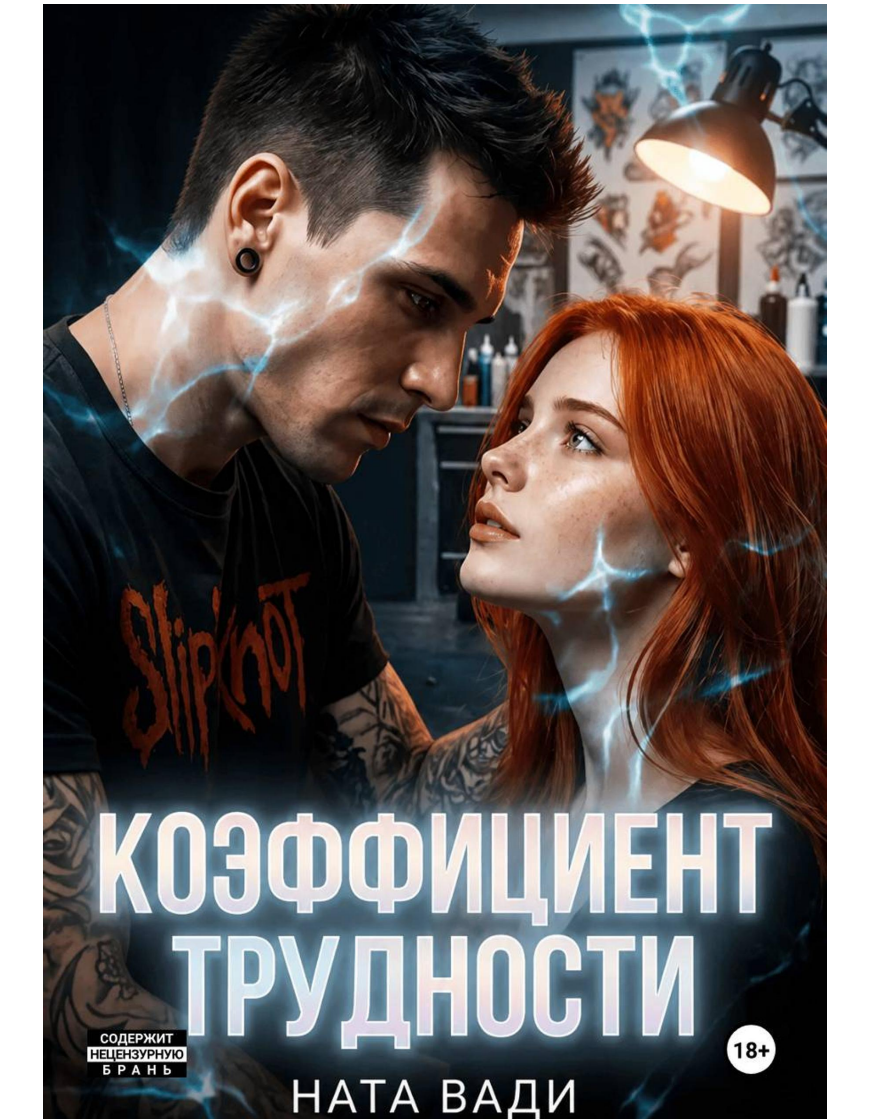

A movie poster featuring a man and a woman in a close, intense pose. The man, on the left, has dark hair, a black earring, and a black t-shirt with 'Slipknot' written in orange. The woman, on the right, has long red hair and freckles. Both have glowing blue lightning bolt effects on their faces and necks. The background is a dimly lit room with a lamp and tattoo-related items on the wall.

КОЭФФИЦИЕНТ ТРУДНОСТИ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

НАТА ВАДИ

Ната Вади

Коэффициент трудности

<https://litres.ru/74646428>

SelfPub; 2026

Аннотация

Варя Гуляева измеряет жизнь коэффициентом трудности. Раньше так оценивали её прыжки в воду на соревнованиях, теперь сама девушка мерит этим показателем уровень дерьмовости дней. Уход из серьезного спорта, развод родителей, переезд и ещё куча проблем ступают за ней по пятам. Хуже, кажется, просто некуда.

Судьба сводит её со Славой — хмурым, холодным владельцем сети тату-салонов, который становится её боссом.

Ей почти двадцать, ему уже тридцать. Она считает его заносчивым хамом, он её — вредной и недалекой малявкой. Но между ними уже тянется тонкая, едва заметная линия, а недоверие, раздражение и взаимное предубеждение постепенно превратятся во что-то глубокое и сложное.

Вас ждет:

- разница в возрасте героев
- он — её босс
- он холодный и хмурый, а она — его противоположность
- любовный треугольник
- горячие сцены героев

История про сестру Вари — Катю и ее мужа Макара — Глоток
доверия, продолжение истории Кати и Макара — Тень сомнения
История Влада и Лёли — Точка невозврата.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	20
Глава 4	31
Глава 5	37
Глава 6	43
Глава 7	50
Глава 8	55
Глава 9	63
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Ната Вади

Коэффициент трудности

Глава 1

Варя

Есть такой показатель в прыжках в воду, именуемый коэффициентом трудности. На самом деле, он существует не только в этом виде спорта, но да Бог с этим, я буду иметь в виду конкретно плавание. Так вот, Коэффициент трудности в прыжках в воду — это числовой множитель, отражающий сложность исполнения конкретного прыжка. Он зависит от разных элементов, ну, например, вида стойки, количества оборотов, винтов, а также позиции тела.

Короче говоря, много там всяких деталей.

Так как спорт мне напрямую больше не светит, я решила измерять таким образом уровень дерьмовости каждого дня.

Ведь о серьезном спорте Варваре Гуляевой, девятнадцати лет от роду, можно забыть. Эта фраза тренера, сказанная моим родителям, до сих пор отдается во мне глухим разочарованием. Просто как бы я не уставала и не выгорала, все равно трепетно и нежно любила и долбанные бассейны, и вышки, и всю эту спортивную, мать её, жизнь. Обожала запах мокрого бетона, эхо в раздевалке, момент перед прыжком, когда мир

сжимается до размеров твоего тела и десятиметровой высоты. А теперь у меня есть только воспоминания и боли в шее при излишне резких движениях. Поэтому да — коэффициент трудности теперь только в формате дерьмовости дня.

Сегодняшнему, кстати, я бы дала семь из десяти.

Меня как бы погнали сраной метлой с работы.

Что-что? Я слышу вопрос «почему»?

А потому что, блин, я прямым текстом послала одного наглого мужика, по совместительству отца двух прекрасных дочек и замечательного (берем это в кавычки, естественно) мужа.

У меня все еще от злости горят щеки. Да, повторюсь ещё раз, что порекомендовала идиоту, который распускал руки, пойти на три буквы. Я. Это. Сделала. И пусть весь мир катится в жопу, но все было правильно. Не жалею. Как и о пощечине, которую вдогонку ему влепила. Печально только, что не дала ему по роже второй раз — для симметрии.

А что еще мне оставалось делать?! Такой вопрос я, кстати, и задала своей начальнице, на что получила максимально тупой ответ: *«Ты уволена, как раз будет время порассуждать, как можно было иначе себя повести в подобном случае с уважаемым клиентом».*

Ну здорово, чё. С учетом того, что я учусь на втором курсе НГУ им. П.Ф. Лесгафта, причем на очном отделении, хрен знает, куда мне податься теперь в плане трудоустройства. Просто работаю я, тьфу, работала (в прошедшем уже вре-

мени) помощником тренера по прыжкам в воду в огромном спортивном комплексе Питера. Мечта, а не работушка, на самом деле, потому что платили прилично, это было по специальности, недалеко от дома, плюс занимало вечернее время.

Вот сейчас сижу и перебираю в голове все *«что если»*. Что если б я не сорвалась. Что если бы просто отошла успокоиться и отдышаться. Что если бы послала его по-тихому, а не при всем честном народе разоралась.

Нет. Не могу. Даже при большом желании не удержалась бы.

Когда вспоминаю его довольную рожу и ладонь на моей заднице, внутри все закипает с новой силой. Кровь приливает к лицу, ладони становятся горячими. Лучше буду мыть полы в «Пятерочке», чем позволю кому-то себя лапать и при этом улыбаться во весь рот, ибо клиент всегда прав.

Но объективно я хрен найду такую работу, потому что желающих на подобные места пруд пруди, да на моем факультете летних видов спорта любой готов убить за такую возможность. А я ее послала. Но блин, этот мужик мало того, что окучивал меня недели три, так еще и руки свои распускать начал.

Ладно, пытаюсь я себя успокоить. Разберемся. Не маленькие. Нам в конце концов третий десяток. Ну-у-у, почти. Но ощущения такие, будто мне скоро на пенсию, серьезно.

По многим причинам.

Одна из которых: я живу самостоятельно в Питере уже получается больше года, учусь, работаю и пытаюсь не влезать в кредитные карты и какие-нибудь займы. Что, поверьте, в моем положении сложно. Я это на своей шкуре прочувствовала, когда в прошлом месяце чуть не сорвалась и не оформила кредитку, потому что подруга отмечала день рождения с масштабом, а подарок хотелось ей подарить приличный и соответствующий.

А еще со мной в квартире живет мой родной брат, который младше меня почти на пять лет и из замечательного мальчишки по имени Лёшка примерно полгода назад превратился в *«Его мерзейшество»*, ибо пубертат вступил в свои права. Он дерзит, огрызается бесконечно, одевается как полный придурок-неформал во все темное, кошмарно широкое, как будто с чужого плеча. Ещё и волосы начал отращивать и в черный их покрасил. Как-то я вообще обнаружила, что он роется в моих вещах в поисках пудры. *«Чтобы быть бледнее»* — проворчал он на мои округлившиеся глаза. А у меня тогда челюсть отвисла так, что я, кажется, с минуту просто стояла и хлопала ресницами, не в силах выдать ни слова.

Эдвард Каллен, хренов.

В общем, это кошмар. Скажу банальщину, конечно, но я вот такой в его возрасте не была. Да мне и некогда было, я в свои пятнадцать бесконечно моталась по соревнованиям, а малейшее отсутствие дисциплины жестко каралось тренером. Каждый день начинался с подъема в пять утра, ледяно-

го душа и чувства, что если ты сегодня не отпашешь на тренировке по полной, то завтра на твое место придет кто-то другой. И этот кто-то будет быстрее, выше, сильнее. Так что повзрослела я, как и все спортсмены, рано. Если не в физическом плане, то в моральном уж точно.

Когда позже, полуразбитая и разочарованная в жизни, заваливаюсь в квартиру, параллельно прикидывая, что наверняка еще придется переться в магаз, понимаю, что коэффициент трудности этого дня возрастает до восьмерки.

Ведь то, что я вижу, ни в какие ворота не лезет.

В прихожей разгром. Не просто легкий беспорядок, а именно треш с большой буквы. Моя обувь вперемешку с чужой разбросана по всей длине коридора. Чьи-то черные куртки навалены на полу. А из кухни пахнет чем-то горелым и одновременно сладким — непонятное сочетание, от которого у меня сводит желудок.

— Лёша! — раздражаюсь почти диким ором и завожусь с полоборота. — Какого черта ты тут устроил?!

Глава 2

Варя

Лёшка, мой родной младший брат, выплывает, как чёрный лебедь, нет, скорее, гадкий утёнок, из комнаты с максимально недовольным видом: *типа, систер, ты сама пришла раньше, а у меня своя жизнь, че ты хотела.* Это его выражение лица я уже выучила наизусть за последние полгода — будто он не просто смотрит, а взвешивает, насколько ещё может себе позволить быть наглым, сколько я ещё вытерплю. Только вот *«его жизнь»*, которая теперь наполнена идиотскими патлатыми приятелями, выглядящими ему под стать, бесконечными двойками по всем предметам и вечно недовольной миной, меня очень даже касается. Напрямую. Потому что, черт возьми, если он с этими дебилами на пару разнесёт квартиру, в которой мы живем по доброте душевной наших родственников, именно *мне*потом расхлебывать проблемы. Если брат схватит очередную двойку, *мне*звонит его классная и читает нотации.

Так что да, меня всё касается. Еще как.

— Выметаемся из квартиры, — говорю я друзьям, показывающимся из-за спины Лёши. — Быстро!

Мой звучит ровно, без крика, но в нем столько яда, что эта вонючая стайка подростков мигом начинает собираться. Прячут глаза за своими уродскими длинными челками.

Один из них, самый тощий, наступает на мои любимые кроссы, пытаясь протиснуться к выходу, и я едва сдерживаюсь, чтобы не дать ему поджопник для ускорения. Второй, в рваной футболке, что-то бормочет под нос, но я не разбираю слов и даже не хочу. Третий просто пулей вылетает в коридор, даже не обувшись нормально — натягивает кеды на босу ногу (это в конце марта-то!).

На самом деле, эти мальчишки меня побаиваются.

— А чё у нас тут вообще происходит? — сначала из комнаты Лёшки слышится противный, капризный голосок, а следом выплывает и его владельца.

Милана. Вот, кто передо мной не пасует.

Ой, я кажется опять забыла, что она просит она называть себя Ланой, а на полное свое имя не откликается. Какая жалость! «Лана» звучит загадочно и круто, а «Милана» — как кличка для коровы, так она считает.

Это самая кошмарная и мерзкая девка, которую я когда-либо встречала. Бессовестная, наглая малявка, считающая, что ей все должны. Брат познакомился с ней больше полугода назад, когда перешел в новую школу. Тогда-то и появилась эта... блин, у меня слов нет, чтобы обозвать ее как-то цензурно. Отвратительная хамка, считающая, что она пуп земли. У меня аж зубы скрипят каждый раз, когда я ее вижу. Собрала вокруг себя компанию из трёх мальчишек, брат мой теперь четвертый, и крутит ими как хочет. И это в пятнадцать лет! Выглядит она как альтушка: странный макияж,

жирно подведенные глаза, рваные колготки, цепочки везде, где можно и нельзя, волосы нечесанные и, естественно, черные. Вся худая и нескладная, крайне несимпатичная, но гордый, льющийся из всех щелей, перекрывает этот факт.

— А-а-а, поня-я-я-ятно, — снова тянет она, заметив мою персону. Глаза ее прищуриваются, и балбеска медленно оглядывает меня с головы до ног, морщится. — Цербер пришёл, — хихикает и смотрит на своих прихвостней, ища привычного одобрения глупой шутке.

Раздается гогот не до конца сломавшихся голосов. Этот смех царапает слух — противный, каркающий. И у меня внутри все закипает. Я медленно закрываю глаза, считая до десяти. Раз. Два. Я чувствую, как напрягаются плечи. Три. Четыре. Как пульсирует кровь в висках. Пять. Шесть. Как горят щеки от сдерживаемой злости. Семь. Восемь. Девять. Десять. Открываю глаза.

Я — взрослый человек. Не буду ввязываться в перепалку с пятнадцатилетней девицей, у которой мозгов меньше, чем прыщей на лице.

— Лёшик, выпроводи свою сестру отсюда, это и твоя квартира тоже! — начинает канючить девка. Она надувает губы и смотрит на брата таким взглядом, будто он должен встать на колени и умолять ее о прощении за то, что я вообще существую. — Она должна уважать твои личные границы.

Тут я мысленно вскидываю кулак вверх, потому что знаю, что произойдет дальше. И хоть мне до ужаса хочется Мила-

ночке втащить — так, чтобы она запомнила на всю оставшуюся жизнь, что её место у параша, — я сдерживаюсь.

— Да, *Лёшик*, — делаю акцент на дебильной форме имени брата, которая, уверена, претит и ему самому. — Ну же, давай, скажи мне! — изображаю писклявый голосок ушлой девицы.

Смотрю на Лёшку, и он отводит взгляд. Щеки у него краснеют — то ли от стыда, то ли от злости. Он мнет в руках край своей широкой футболки.

Милана моментально начинает полыхать и пыхтеть. Ее лицо, бледное от тонны пудры или излишне светлого тональника, кто ж ее разберет, искажается.

— Милан... — начинает мой брат осторожно.

Ха! Выкуси, буренка! Твой Лёшик, который по совместительству мой родной младший брат, в этой квартире живет на птичьих правах, ему ой как невыгодно сейчас защищать идиотскую подружку.

Та свирепеет. Гордо проходит мимо парня, специально задевая меня плечом. Обувает свои уродские ботинки на толстой платформе и хватает куртку.

— Высунешься из сестринской юбки — пиши, — нагло заявляет она, обращаясь к Лёшке, а потом продолжает, уже глядя на меня. — Жаль, что никто походу на тебя не клюет, может, хоть было бы чем заняться тебе вместо того, чтобы портить жизнь брату.

Смешно. Я не особо реагирую на слова этой мелкой. Меня

они не задевают, потому что я-то как раз себя оцениваю объективно и здраво. У меня есть зеркало. Я знаю, как выгляжу. И мне пофиг на мнение пятнадцатилетней девицы, которая наносит тоналку слоем в полсантиметра, чтобы скрыть свои прыщи.

— Милка, да ты б лучше о себе подумала... заранее, так сказать, тебе ж с такими прыщами вообще тяжело по жизни дальше будет. На прыщавых, знаешь ли, не особо, как ты там выразилась, клюют. Ой, погоди, а вот на подбородке это у тебя новый что ли? Предлагаю дать ему имя Геннадий.

Милана надувает губы. Оглядывается на Лёшку, явно ожидая, что он за нее заступится. Но тот он молчит, уставившись в пол. Она фыркает, дергает плечом и быстро ретируется с остальными своими прихвостнями. Дверь за ней хлопает так, что соседи наверняка слышат.

Знаю... меня не красит то, что я ввязываюсь в словесные баталии с малышкой, но удержаться просто невозможно.

— Как ты меня достала! — рычит Лёшка. Он сжимает кулаки так, что костяшки белеют. — Что ты к ней прицепилась? Она же ничего не сделала!

— Да ну? — я вскидываю брови и смотрю на него в упор. — Она назвала меня цербером, требовала выгнать, толкнула, а потом еще и ляпнула про мою личную жизнь. Ничего не сделала? Лёш, очнись.

— Ты начала первая! — орет он, отворачиваясь.

— И раз я такая доставучая, отец тебя ждет не дождет-

ся, милости прошу, — указываю ему на дверь. — Милка твоя своими кривыми ножками, наверное, еще от подъезда не успела отойти. Заодно её догонишь.

— Я же просил не называть ее так!

— Да? Ну я тебя тоже много чего просила, Лёш! Например, не тащить своих чудиков в чужую квартиру, но тебе же по херам.

— Они мои друзья! — продолжает беситься брат, поворачиваясь ко мне.

Не видит и следа раскаяния или покладистости на моем лице, и плечи его опускаются.

— Да пошла ты! — не находит он больше слов и хлопает дверью своей комнаты.

Я стою в коридоре, и у меня внутри все дрожит. Тоже так хочу — хлопнуть чем-нибудь, выплеснуть эту злость и обиду. Но только вот так не выйдет, потому что сплю я в зале, а там даже двери нет, просто арка.

А еще я знаю, что Лёшка никуда отсюда не денется, поэтому так бурно реагирует и вместо того, чтобы убежать за своей кривоногой Миланочкой, теперь восседает букой в комнате. Потому что ему некуда идти.

Опускаюсь на пол в коридоре, прислоняюсь спиной к стене и закрываю глаза. Мне хочется заорать в голос. Или заплакать. Может, разбить что-нибудь.

Почти два года назад жизнь перевернулась так, что врагу не пожелаешь. Я помню этот день до мельчайших подробно-

стей — будто кто-то впечатал его в мою память раскаленным железом. Всю жизнь мы с братом и родителями прожили в Самаре в хорошей квартире, имея дачу, кучу родственников и все блага этого мира, так скажем. Я поступила в наш университет после школы, спортивная карьера шла в гору, а моя двоюродная сестра разрешила мне пожить в ее квартире в Самаре же, и я нежно лелеяла мысль о грядущей самостоятельности. У меня был план: спорт, учеба, новая самостоятельная жизнь. Все шло как по маслу.

Пока не разрушилось буквально в два дня. Сначала отец огорошил нас тем, что у него давным-давно есть другая женщина, у них будет ребенок и он переезжает в Сестрорецк. С матерью, естественно, их ожидает развод. Я хорошо запомнила выражение облегчения на его лице после, будто он не разрушил семью, а сбросил тяжкий груз.

В общем, скандал был такой, что стены трещали, несмотря на то, что наша мама, оказывается, давно была в курсе наличия у отца любовницы. Просто, как оказалось, они ждали, пока Лёшке исполнится восемнадцать, тогда бы наш папочка свалил в закат официально. А тут неожиданная беременность, планы пришлось поменять. Лёшка в тот день был на сборах, он всерьез занимается футболом, точнее уже занимался (опять прошедшее время), поэтому о ситуации узнал гораздо позже.

Я вся на нервах на следующий день после новостей поехала на соревнования, потому что выбора не было: спорт

есть спорт. Только вот прыжки в воду — это необходимость высочайшей концентрации, очевидно, ее на тот момент времени мне не доставало. Я помню ту вышку, помню, как ноги тряслись, как в голове билась только одна мысль: *«Все равно, все равно, делай свое дело»*. Но тело меня не слушалось. Оно было переполнено липким страхом за будущее и обидой на отца.

В общем, прыгнула я неудачно, получила тяжелую травму шеи и головы. Как сейчас помню вспышку адской боли и тень перед глазами.

Восстанавливалась практически полгода. Путь в большой спорт был мне заказан. Врачи говорили прямо: *«Любой следующий прыжок может закончиться инвалидностью или летальным исходом»*.

Точка. Баста. Финита ля комедия.

Прошел уже год, за который я успела переехать в Питер, перевестись тут в универ, начать условно новую жизнь. Мать наша ударилась во все тяжкие и теперь скачет по курортам с подружками, изредка возвращаясь к обычной жизни. С нами, своими родными детьми, она общается мало, потому что считает, что мы заняли сторону отца. Хотя это далеко не так.

Я вот, например, вообще ничью сторону не занимала.

А Лёшка действительно первое время жил с отцом — он ему всегда был ближе матери. Которая разобиделась, но считала, что уж я-то останусь с ней. А я выбрала умотать в северную столицу, потому что об этом втайне мечтала с тех пор,

как приезжала сюда в гости к сестре и сделала здесь свою первую татушку.

Просто раньше меня держал спорт, тренер в Самаре, контролирующие родители.

Больше ничего из этого не было актуально.

Моя сестра Катя и ее муж Макар помогли мне устроиться, поселили в квартиру, которую до этого сдавали. Для меня была одна обязанность — исправно платить коммуналку, и то на этом настояла я сама. Знаю, Макар с Катей — люди не бедные, им вообще пофиг на те деньги, которые уходили бы на оплату коммуналку этой двушки, но я так не могла. Жить за чужой счет — не про меня.

У отца деньги я не брала принципиально. Когда он позвонил впервые после развода и предложил помощь, я сказала: *«Спасибо, но мне от тебя ничего не надо»*. Он удивился, пытался ещё помочь какое-то время. Потом перестал предлагать.

Полгода назад ко мне переехал брат, который чуть позже бросил футбол и ударился во все тяжкие в плане имиджа и вечно хренового настроения. Не вытерпел нового счастья отца, его жены и их общего ребенка. Но никогда не говорил о подробностях своего решения.

Как-то так.

В общем, без денег оставаться нам нельзя, ибо надо платить за квартиру и чем-то питаться нам с братом. Знаю, что Макар с Катей помогут в любую минуту, но у них своя жизнь,

и брать на себя ответственность за меня и Лёшку уж точно лишнее. Я не хочу быть обузой.

Ладно, подумаю о поиске работы завтра. Сейчас хочется просто лежать и ничего не делать. Ах, если бы! Поднимаюсь с пола, чувствуя, как затекли ноги, и захожу на кухню. Игнорирую бардак, включаю чайник и смотрю на стену перед собой. Жаль, что у меня почти на иждивении пятнадцатилетний лоб, который не понимает даже, насколько мне сейчас хреново.

— Лёш, выходи из сумрака, будем ужинать, — кричу я ему в закрытую дверь.

Жду. Слышу, как он гремит чем-то в своей комнате. И гадаю: выйдет ли сегодня эта патлатая принцесса-несмеяна из комнаты или устроит очередной бойкот-голодовку.

Глава 3

Варя

— Хочешь, я с ним поговорю? Ну по-мужски, — произносит с абсолютно серьезным выражением лица Платон.

Парень сидит напротив меня в нашей студенческой столовке, сжимает в руках пластиковый стаканчик с полуостывшим чаем с решительным взглядом, будто собирается идти на дуэль. У него даже брови сдвинуты к переносице, и я вижу, как он пытается придать своему лицу максимально суровое выражение. Выглядит это, конечно, комично, что просто пипец.

Оглядываю друга с ног до головы и очень сильно стараюсь сдержать смехок. Да скорее Лёшка ему навалает, если честно. Брат в свои пятнадцать, кажется, и повыше, и покрепче будет. Платон же выглядит так, будто его ветром сдует при первом же порыве.

— Нет, Тош, ни с кем разговаривать не нужно, — вздыхаю я, пробуя сомнительный столовский пирожок. Тесто какое-то резиновое, а начинки кот наплакал. Мда, ну и говно, конечно.

— А что такого? Я могу! — начинает заводиться мой хилый друг. Он даже привстает на стуле, словно собираясь прямо сейчас сорваться с места и бежать воспитывать моего брата. Глаза его горят энтузиазмом, которого у него в избытке,

хотя на физическую силу это никак не влияет.

И этот порыв одновременно трогательный и до глупого смешной.

— Не сомневаюсь, — безбожно вру я, стараясь, чтобы голос звучал убедительно. — Только для Лёши в принципе никто не авторитет. Разве что Макар, муж моей двоюродной сестры.

Платон поджимает губы и откидывается на спинку стула. Он вообще у нас очень обидчивый, и иногда подобное его поведение раздражает.

Платон Крашенинников — старше меня на год и является моим одноклассником. Достаточно тощий, выше меня ну сантиметров на шесть, наверное. Если встану на цыпочки, мы будем примерно одного роста. Что он вообще делает на факультете, где готовят тренеров и спортсменов? Каким таким ветром его сюда занесло? Хотя с комплекцией Тоши, скорее уж, правильнее использовать слово «сдуло».

Тоша тупо никуда не поступил после одиннадцатого, взял годик, чтобы подумать. На деле же ничем не занимался, играл в комп и тратил мамкины деньги. На следующий год ситуация чуть было не повторилась, но его мать уже такого варианта развития событий не приняла. Поэтому засунула сыночка в единственный универ, где у нее были хорошие связи. Да-да, на факультет летних видов спорта. Человека, который физической активности боится как огня.

Блат всемогущий, короче.

К сожалению, особо на нашем факультете друзьями и приятелями не обзаведешься: все вечно на соревнованиях, в разъездах, со свободным посещением. В нашем потоке есть пара ребят, которые более или менее доступны и ходят на пары, в их числе я из-за травмы и Платон по понятным причинам. У нас еще есть Лёля, двоюродная сестра Крашениникова, с которой мы достаточно быстро сдружились. Она тоже с нами учится, но как раз часто бывает в разъездах. Например, сейчас она где-то на сборах в Сочи, и приедет только через неделю. Без нее грустно, конечно. Она хорошо так разбавляет духоту своего брата.

Внезапно мой дружочек щелкает пальцами прямо перед моим носом. Я моргаю, выплывая из моря мыслей.

— Эй, Варьете, ты тут вообще? — говорит Платон с легкой укоризной.

Опять он меня назвал очередным своим дурацким прозвищем! За это я со всей силы пинаю его под столом. Нога попадает точно в голень.

— Ай! — вскрикивает Тоша. — За что-о-о?!

— Достал со своими прозвищами, — бурчу я, окончательно откладывая в сторону пирожок.

Этот человек, полностью лишенный мозгов и физической силы, каждый раз называет меня непонятными производными от моего имени. Бывают у него, конечно, просветления, когда он обращается ко мне нормально. Но, зуб ставлю, что сегодня он точно будет использовать... как уж там он сказал...

прозвище Варьете. Скорее всего, его запахла хватит и на завтра. Очень уж Тоша выглядит довольным своей дебилизменной придумкой.

Болван, блин.

Чуть позже мы вместе идем на пару. Там я почти не слушаю преподавателя, потому что в голове прокручиваю миллиард своих проблем. Особенно с работой... Надо бы что-то решать. Кстати, Платону я о своих траблах с увольнением не сообщила. Парень тут же начал бы мельтешить, искать решения, но эти больше шуму бы наведет, чем помог. Тоша любит много говорить и создавать видимость активности, но без толку.

Конечно, рано или поздно он узнает о том, что меня турнули, хотя бы от Лёли, потому что подруге я уже сообщила. Но с Тошей... короче, просто лучше позже. Или вообще никогда.

Надеюсь, что за ближайшую неделю мне удастся что-то найти.

На телефон падает сообщение в мессенджере.

Лёша ходит в драных одёжках: *я у Костяна сегодня.*

Смотрю на эти несколько слов от брата и чувствую, как внутри разливается раздражение. Многословно, мать его. Обидно, что я даже повлиять ни на что не смогу, сказать, чтобы он как штык был дома. Напишу брату — он не ответит. Позвоню — та же херня. Отцу его не сдам, потому что слишком Лёшку люблю. Брат это знает и пользуется актив-

но. А я снова и снова все это дерьмо от него проглатываю.

В общем, на ругань Леша почти не реагирует, на угрозы тоже, посадить на домашний арест я его не могу. Как-то обмолвилась ему в порыве ярости и безнадёги, что лишу компьютера, — так он ржал над моей угрозой потом недели две.

Замкнутый круг.

Убираю телефон в карман и пытаюсь сосредоточиться на голосе преподавателя, но мысли о Лёшке не отпускают. Костян вообще-то — нормальный пацан, друг Лёшки из футбольной секции, в которой брат уже, правда, почти пять месяцев не занимается. Это вообще, конечно, отдельная история.

Проблема в том, что брат может шлаться со своей новой дебильной компашкой во главе с тупой буренкой Милкой. А не быть, как он мне пишет, у своего друга. И как тут проверишь? Если Косте звонить, он в любом случае жопу Лешкину прикроет. Я это уже проходила.

После пар, когда выхожу из универа, телефон снова оживает. Опа, систер. Я принимаю вызов.

— Привет, Кать, уже рожаеть?

— Ну-ка сплюнь! — возмущенно отвечает Катя — У меня только пятый месяц начался!

— Ну не зна-а-аю, а выглядишь ты как будто уже вот-вот родишь.

Я угораю, конечно. Катюха — красотка и худышка, просто в последнее время загналась, что растолстеет точно и во вто-

рую беременность превратится в бегемота. Типа после тридцати обмен веществ уже не так работает. Мы с Макаром, её мужем, устали эту мнительную женщину успокаивать, поэтому теперь я пошла от обратного: Катюху иногда подкалываю, чтобы она сама опровергала глупости по поводу собственного тела. Это работает — она начинает возмущаться и спорить, что вообще-то нормально выглядит, даже очень хорошо.

— Ты жестокая жопа, — вздыхает сестра, но в голосе обиды нет. — Заедете с Лёшей сегодня? Больше недели же уже не были.

— Я — да, могу. Брат — нет, он у друга, — говорю я, стараясь не выдавать раздражения в голосе.

— Понятно... может, мне тогда тебя от универа забрать? Я на машине.

Э-э-э, нет. Катя совсем недавно получила права, ездит она более или менее нормально, но при любой проблеме начинает паниковать, причитать, ныть и говорить, что вождение — это не ее. Не знаю, как Макар терпит с ней ездить, но мне как-то не жажжется быть пассажиром в машине с беременной и не совсем адекватной сестрой. Тем более у Кати сейчас гормоны фигачат вовсю, настроение меняется каждые пять минут, она наверняка опять расплачется, если забудет, что значит какой-нибудь никому не нужный знак на дороге.

— Да слушай, я тут уже в метро спустилась...

— Блин, ну ладно, тогда я тебя домой потом отвезу, —

воодушевленно заверяет меня сестра.

— Окей... — соглашаюсь, надеясь, что Макар вразумит ее не садиться за руль.

У Кати я провожу часа четыре. Няньчаюсь с Савелием, моим племянником. Мы с малышом строим башни из кубиков, потом он их с удовольствием разрушает. Его громкий смех заполняет квартиру, и на какое-то время я забываю о проблемах.

Катя успевает съездить за очередным цветком. Она увлекается разведением комнатных растений — у них уже целая оранжерея, а не квартира: фикусы, монстеры, какие-то экзотические цветы. Хата у них с мужем, конечно, большая, но есть ощущение, что растения скоро семью Сомовых поработят.

Позже приезжает Макар. В итоге я выдаю им с Катей на пару, что меня уволили. Пыталась сдержаться, правда. Пыталась умолчать. Но мне так тупо хочется, чтобы хоть кто-то мне дал совет или пожалел совсем чуточку, это просто кошмар.

Подробностей про домогательства я не рассказываю. Катя ахает и охает от самого факта увольнения, прижимает руки к груди. А вот Макар долго меня изучает тяжелым взглядом, будто пытается разобрать меня по косточкам. Слава богу, правда, ничего не комментирует. Я как-то ему обмолвилась по дурости, что на работе есть всякие чудные мужики-папашки, которые отвешивают мне сальные шуточки

и делают сомнительные предложения, но больше эту тему никогда не развивала.

Чувствую, позже меня ждет допрос с пристрастием от Сомова.

Вообще ребята явно чувствуют за меня и Лёшку ответственность, и это меня напрягает. С переездом в Питер мы им как будто навязались. Моя мать периодически звонит Катиной и просит, чтобы чета Сомовых за мной присмотрела. И за Лёшкой соответственно. Мне вот, кстати, мать не звонит... Интересное кино, конечно.

Я взрослая, самостоятельная и ответственная, мне не требуются няньки и бесконечная помощь. Да, приятно, что в Питере не одна. Отца я, естественно, вообще в список полезных знакомств не включаю, но всё же...

Короче, у ребят своя семья и своя жизнь. Они рвутся помогать бесконечно, иногда я прогибаюсь, но в основном стараюсь держаться. Мне неудобно. Это как чувство, что я у них в долгу, но понятия не имею, как этот самый долг потом отдавать.

Когда Макар везет меня домой, естественно допытывается до правды по поводу причины моего увольнения, ругается сквозь зубы — коротко, зло, смачно. Но сделать ничего не может. Тот чувак, что меня лапал, кстати, еще и удивлялся, чего это я возмущаюсь, типа он видел, что меня никто не встречает, значит парня у меня нет. Как будто это единственное возможное препятствие.

— Что же тебя твой хиленький женишок не встречал после работы? — цедит Макар, глядя на дорогу.

— Платон не мой женишок! — в очередной раз обозначаю это Сомову, а то у него постоянно этот момент мимо ушей проходит.

— А великий мыслитель твой сам-то об этом знает?

Молчу. Смотрю вперед, сжимая рюкзак в руках, эта тема далее мной развиваться не будет. Во-первых, мой хиленький... тьфу, просто Платон — действительно исключительно друг, а во-вторых, Макара в любом случае это не касается, он за меня ответственность не несет.

— Лёшка так и надумал не вернулся в секцию?

Отрицательно мотаю головой. Макар смотрит на меня и тянет:

— Поня-я-ятно.

Потом быстро добавляет:

— Давай я с ним перетру тему с поведением?

Заманчиво, но нет. Макар умеет воздействовать на Лёшку, тот его уважает и немного побаивается. Но только если я от отчаяния снова позволю мужу сестры посягнуть на воспитании моего брата, ничем хорошим это не закончится. Лёшка будет говорить, что я трусливая стукачка, и у нас вообще имеющийся минимум адекватных взаимоотношений пропадет — это как пить дать.

Прошу Макара не вмешиваться, а он снова толкает тираду о том, что мне нужно учиться принимать помощь, что я не

одна и глупо взваливать всё на свои плечи. Не первый раз это слышу, поэтому просто молча жду, пока он закончит.

— Кстати, по поводу работы для тебя имеется одна мыслишка, — говорит Макар, когда его проповедь заканчивается.

— К тебе на фирму? Я ж ничего не умею.

— Да нафига ты мне там сдалась, — смеется Макар. — Ты извини, Варька, но пока мне нужны исключительно разработчики, тестировщики, хороший маркетолог и продажники. Ты ни в чем из этого не шаришь.

— Да-да, расскажи мне побольше о том, насколько я бесполезна, — складываю руки на груди.

— Бросай придуриваться и лучше послушай. Ты же знаешь, что я иногда людям бью татушки?

— Ну и?

— У меня друг владеет сетью салонов по всему Питеру, и в Москве тоже есть парочка. Ты же слышала про Черный Лотос и даже была там, верно?

Блинский блин. Моя феечка-нимфа, набитая ровно под грудью, нагревает кожу от одного только упоминания. Слышала. Была. Да еще и понимаю, о *каком* друге речь.

— Допустим, — пространно выдаю я, стараясь, чтобы голос звучал спокойно.

— В студии, где я обычно быю, на Лиговке, админша уволилась чуть ли не одним днем. Могу попросить владельца тебя пристроить. Место хорошее, все официально, есть ДМС,

всякие бенефиты, зэпэшка нормальная. Тем более Славика ты знаешь.

Славик. О господи.

— Предлагаешь мне работать на этого старого извращенца? — вырывается из меня прежде, чем я успеваю подумать.

У Макара глаза округляются. Брови стремительно ползут вверх и он начинает дико ржать

— Щас вот я не догнал... как ты Славку назвала? — задыхается от смеха муж моей сестры.

Язык мой — враг мой. Могла бы и смолчать, блин.

Глава 4

Варя

Мне приходится подождать, пока Макар проржётся по поводу «старого извращенца». Он, блин, чуть ли не утыкается лбом в руль, плечи ходуном, и я слышу, пытается сдержаться и успокоиться, но у него это плохо получается. Складываю руки на груди, всем своим видом выражая недовольство. Но откровенно говоря, в этой ситуации раздражаться, кроме как на себя, мне не на кого.

— Слушай, Варь, — всё ещё не до конца отсмеявшись, произносит Макар и поворачивается ко мне. — Ты вот в курсе, что мне тридцать пять, а? Славику, кстати, тридцать. То есть я по твоей системе координат вообще дряхлый? Мне пенсию оформлять, как думаешь? Или ещё пара лет в запасе имеется?

Да, я что-то такое припоминаю про возраст этого Славика. Катя же говорила, сколько ему примерно.

— Ты, Макар, во-первых, не выглядишь на свой преклонный возраст. Во-вторых, ты горячий.

Я вижу, как Макар открывает рот, чтобы поспорить или опять поржать — хрен его разберешь. Но я не даю ему вставить ни слова.

— Да-да, и не спорь по поводу второго факта. А в-третьих, ты муж моей сестры и отец Савушки, к тебе я по умолчанию

не могу как-то неуважительно обращаться или относиться.

Сомов усмехается, качает головой, и я вижу, как его глаза хитро прищуриваются. Кажется, близится подкол от деда...

— Горячий муж твоей сестры и отец Савушки, получает-ся? — иронично изгибает бровь Макар. В его голосе сквозит веселье, и я понимаю, что он не собирается отпускать эту тему.

— Если объединить — да, — ставлю точку в этой бессмыслице.

Ну а что?! Макар объективно классный, это не секрет, и если что, я в него там тайно не влюблена, не пытаюсь подкатить или привлечь его своей пышущей молодостью, например. Фу! Он реально мне ну как родственник, старший брат, я не знаю. А если человек горячий, то почему бы ему об этом не знать?! И Кате я частенько напоминаю, что муж ее огого, Макар на это обычно говорит, что вскоре, кажется, ему придется приплачивать мне за рекламу.

— Ладно, Бог с ним со старым, — наконец произносит он, успокаиваясь. — А в разряд извращенцев-то Славка у тебя как попал? Что такого сделал, что ты его так окрестила?

— Он паялился на меня, пока делал мне татуировку, — говорю я, понимая, насколько это глупо звучит не в моей голове, а произнесенное вслух. Бросаю взгляд на Макара и уже заранее знаю, какая реакция последует.

Естественно, мой типа родственничек взрывается хохотом. А я собираюсь выйти из машины, потому что он, блин,

достал, право слово, но меня хватают за руку и останавливают.

— Слушай, Варь, — говорит Макар, опять отсмеявшись и слегка барабанил по рулю. — Татуировщики с закрытыми глазами не работают, я тебе как один из них говорю. Ты бы хотела кривую нимфу на ребрах? Нет, блин, он смотрел, потому что это его работа. Ну, условно, как художник рассматривает холст. Это же не значит, что он хотел тебя трахнуть.

— Спасибо за твою просветительскую деятельность, Макар, как бы я без тебя существовала, — впериваюсь в него максимально злобным взглядом.

— Уффф, остынь, мелкая ведьмочка, — беззлобно смеется Сомов и откидывается на спинку сиденья

А потом Макар добавляет уже серьезнее, тон разительно меняется:

— Варь, если тебе что-то подумалось в таком ключе про Славика, то клянусь Богом, тебе показалось. Я знаю его кучу лет, и с клиентами он ничего такого себе не позволяет. Он профессионал до мозга костей, никогда не переступает эту черту. Да к тому же там у него безнадеж... — мужчина осекается. Качает головой и не продолжает свою фразу, хотя мне становится дико интересно, что же он чуть не сболтнул.

— Что «безнадежно»? — не выдерживаю я.

— Неважно, — отмахивается Макар. — Короче, место классное, Славик как босс отличный, просто малоразговорчивый и хмурый. Зато работа хорошая, непыльная, прилич-

ная и не на чужого дядьку. Тебе там понравится, я уверен.

Ну как тоже «не на чужого»... Макар забывает, что если Славик — его друг, это не значит, что он автоматически становится для меня своим.

— Что думаешь? — напирает Макар.

— Наверное, согласна, — вздыхаю я.

— Окей, тогда перетру со Славиком.

— То есть меня туда даже еще никто не взял, а ты уже что-то предлагаешь? — у меня нервно дергается правый глаз.

— Да, это хрень всё. Чистые условности, считай, что место твое. Я с ним поговорю, он скажет «да», и ты в ближайшее время выходишь.

На самом деле, этот Славик правда пялился, я ничего не выдумала и у меня нет какого-то невероятного ЧСВ, что меня тупо все хотят. Я знаю, что у многих девчонок такое встречается — когда каждая улыбка, каждый взгляд воспринимается как покушение на их честь. Просто это не про меня. Я же уже говорила, что здраво себя оцениваю. Так вот, на меня смотрят, со мной знакомятся, многим нравятся красивые рыжие волосы ниже лопаток, ярко-зеленые глаза и закаленная большим спортом фигура. Я симпатичная, наверное, по чьим-то меркам даже красивая. Обычно подкаты как раз и начинаются с того, что я похожа на ведьмочку.

«Ты случайно не ведьма? Потому что я уже под твоим заклинанием».

Или...

«Ты знала, что рыжие волосы и зеленые глаза — это 0,01% населения. Получается, я только что выиграл в лотерею, встретив тебя».

Ну и всё в таком духе...

Особенно обострилось это внимание в последний год, когда я уже не в спорте. Раньше тупо времени не было, и спортсмены мужского пола, которые меня окружали на бесконечных тренировках и соревах, более сконцентрированы на работе над собой, чем на флирте с девушками. По крайней мере, в моем спорте.

В смысле, бывшем спорте. Я ж уже по факту никто. Просто Варя. Студентка без работы и с кучей проблем.

Но Славик паялился, да. Такое я чувствую и обычно не ошибаюсь. Я улавливаю этот взгляд, когда мужчина смотрит на тебя, как на женщину....

Но Макар прав: вариант с работой хороший. Тем более что у меня по факту свой блат и одновременно оберег в лице мужа моей сестры.

Позже мне приходит сообщение от подруги.

Лёля: *Варюш, у тебя как там с работой? Просто есть место барменши в одном неплохом месте, если что я договорюсь, тебя обучат и возьмут в штат. Мне сказать, что ты не против?*

Улыбаюсь. Как хорошо, что есть Лёля. Всегда пытается помочь и поддержать.

Я: *Заюш, рассыпаюсь в благодарностях, но, пожалуй,*

нет. Кажется, меня уже пристроил кое-куда брат сестры.

Мой палец замирает над экраном. Я чувствую, как внутри разливается тепло от того, что кто-то обо мне думает.

Лёля: *oooo, а подробности?*

Я: *будут, когда ты уже приедешь.*

Лёля: *манипуляторша...*

Да если бы, Лёль. Я ж сама еще нихрена никаких подробностей не знаю.

Меня всё-таки берет легкая паника перед неизвестным, и я понимаю, что сейчас мне нужно отвлечься.

Или, например, проверить, жив ли вообще мой брат и где он точно территориально находится.

Глава 5

Варя

— Не знаю, мне кажется, что лучше повременить и поискать что-то другое, — хмуро выдает Платон, когда по приезде Лёли мы снова начинаем обсуждать мою будущую пока неподтвержденную работу.

Сидит напротив меня в столовке, сжимает в руках стаканчик с чаем и смотрит на меня с таким выражением, будто я собираюсь прыгнуть с моста без страховки. Его брови сведены к переносице, губы поджаты. Настоящий образец праведного негодования.

Макар, надо сказать, пока молчит — еще не успел *«перетереть»*, как он выразился, со... Славиком.

Лёля оказалась в городе раньше на несколько дней, потому что они с ребятами слетели с финала на соревах. Знаю, что она переживает, хотя виду не подает.

— Платош, — начинаю я говорить, подкладывая под щеку руку и глядя на него в упор с приторно-сладкой улыбочкой. — А вот скажи, на что мне жить, пока я буду находиться в экзистенциальном поиске, а? За хату платить, одеваться и обуваться, кушать, брата тоже кормить, м? Не подскажешь, заюш?

Лёля прыскает в кружку, но под осуждающим взглядом двоюродного брата пытается придать лицу более серьезное

выражение.

— Да брось, — слегка насмешливо смотрит на меня Платон, начиная загибать пальцы. — Ты же сама такая принципиальная, Вареник, признай. Отец готов тебя обеспечивать полностью, помогать, это твои слова причем. Мать тоже. По факту можешь словить куш с двух сторон, это неоценимые плюсы развода родителей. А по поводу брата: разве он нет-нет да берет деньги у отца? Как видишь, он в вашей семье умеет пользоваться удобствами...

— Платон! — осекает парня Лёля. В ее голосе появляются железные нотки, и она сверлит брата предостерегающим взглядом.

— А где я не прав, скажи? — тут же шипит на нее Платон. Меня несколько не обижает инфантильная позиция Крашенинникова. Честно. Ему просто всего этого нихера не понять. Он двадцать один год живет под мамкиной юбкой. Она его обеспечивает, кормит, обувает, одевает, на карманные расходы дает. Делает ли это Платона плохим человеком? Нет. Понимаю ли я такую позицию? Тоже нет. Друзья у него водятся, насколько мне известно, вообще, девушки тоже периодически бывают. Он не сыночка-корзиночка в привычном понимании. Просто пользуется, так скажем, благами. И не видит в этом ничего плохого.

— Платош, у нас с тобой разные позиции в этом вопросе, че нам спорить? — говорю я, стараясь, чтобы голос звучал относительно нейтрально. — Мне то, что ты озвучива-

ешь, не подходит. И да, Лёша действительно периодически берет деньги у отца, это правда. И ладно бы еще тратил их на себя, — всплескиваю руками, чувствуя, как новая волна злости поднимается внутри, — так он же все на эту буренку малолетнюю спускает, блин!

И-и-и... мы все дружно костерим Миланку. О-о-о, это буквально в последнее время мое любимое занятие. Прямо даже отпускают переживания по работе немного. Платон и Лёля отлично знают всю ситуацию и наслышаны про коровную подружку брата, поэтому активно поддерживают меня в ее обсуждении.

— Экстрадудос Миланки прошел на *«ура»*! Я официально удовлетворена! — откидываюсь на стул в столовке, прикрываю глаза от удовольствия и чувства сытости.

Через минуту Платон все-таки возвращает общее внимание к теме моей будущей работы.

— Все равно, — говорит парень, скрещивая руки на груди, — представь, какой там контингент в этом тату-салоне, Вареник?! Уродуют себя за деньги, вряд ли туда будут приходить приличные люди. Татуировки — зло.

Господи, что за сноб!

— Это тебе так твоя мама сказала? — в очередной раз поддевает своего брата Лёлю. Она смотрит на него с ироничной улыбкой, и я вижу, как Платон начинает возмущенно на нее сопеть, подбирая слова.

Я же хмыкаю и поднимаю обтягивающую черную футбол-

ку почти до груди, оголяя подтянутый живот, открываю свою прекрасно набитую лесную нимфу-феечку.

— Хочешь сказать, что мне не идет, Платош, а? По-моему, все шикарно.

Лёля активно поддакивает, а Платон краснеет и тушует, все же не отводя взгляда от объективно красивой татуировки под грудью.

— Это другое, — прочищает он горло, поправляя воротник рубашки. — Она у тебя одна и... короче, я не имел в виду тебя, когда говорил все это. Ты не в счет.

Только хочу продолжить спорить с Платоном, как совсем рядом раздается достаточно узнаваемый голос, я напрягаюсь, прежде чем поворачиваю голову.

— О-о-о, Гуляева, по какому поводу у нас тут стриптиз? — к нам за стол резко подсаживается Влад Игнатьев, наш одноклассник, и, прямо скажем, не самый приятный человек в мире.

Лёля мгновенно напрягается и двигает свой стул максимально далеко от парня. Влад замечает это, закатывает глаза и возвращает взгляд мне.

— Иди куда шел, Игнатьев, а? — говорю я холодно, смотря на него в упор.

— А я, может, сюда и шел? — он пододвигает свой стул ближе.

— Ну тогда я могу тебе еще посоветовать пару мест, куда можно сходить, — устало тяну я.

— Если с тобой, Гуляева, то хоть на край света, — парень окидывает меня наигранно раздевающим взглядом.

Но я на это лишь фыркаю и встаю, жестом предлагая друзьям сваливать отсюда. Лёля тут же поднимается, Платон тоже.

— Крашенинникова, солнышко, уже все слезки выплакала за свой проеб на соревнованиях? Или еще остались? — деланно грустно качает головой придурочный, глядя на Лёлю. — Как жаль, что финал тебя не захотел.

Глаза подружки вспыхивают, но она игнорирует Влада. Сжимает челюсть так, что я почти слышу, как скрипят зубы. Уверена, это стоит ей огромных моральных усилий, но благо мы все-таки выходим из столовой и спешим в другой корпус.

На улице свежий ветер ударяет в лицо, и я глубоко вдыхаю, наслаждаясь приятной весенней погодкой.

— Мне показалось или он подкатывал к тебе яйца, Вареник? — интересуется Платон, пока мы спешно передвигаемся по территории университета.

— Брось, Платош, Игнатьев подсел, чтобы найти повод поизмываться над Лёлей, как будто ты не знаешь, — говорю я, ускоряя шаг. Потом резко разворачиваюсь, и парень буквально впечатывается в меня на ходу. Я толкаю его в плечо, чтобы он отодвинулся. — И если ты еще раз назовешь меня Вареником, я потом раздобуду машинку, которой татушки бьют, приду к тебе ночью и зафигачу на лбу волосатую задницу...

Вообще, иногда я забываю, что Платон... он... ну, вне спортивной тусовки все-таки. А у меня хоть и нет будущего вне тренерства, но прошлого не отнять. С Лёлей и Владом я знакома давно. Ну, по крайней мере, шапочно, на соревнованиях встречались, где-то с Крашенинниковой даже были соперницами. Она из Питера, я — все равно, как ни крути, с ней за спортивную карьеру меньше пересекалась. А вот Игнатьев из Ульяновска. Очень близко к Самаре, и с ним мы знакомы получше.

То, что он невероятный придурок — очевидно. А его отношение к нашей Лёле — это отдельное светопредставление. У него как будто цель всей жизни — уколоть ее побольнее. Мы все знаем, почему так происходит, но предпочитаем особо не обсуждать...

Прямо на паре у меня звонит телефон. Смотрю на экран — Лёшка. Приходится выйти, чтобы ответить

— Надо, чтобы ты зашла в школу, — бурчит брат без приветствия.

Кла-а-а-сс, просто закачаешься...

Глава 6

Варя

— Варвара, я Лёше достаточно четко прояснила, что желаю поговорить с его отцом, а не с сестрой, — складывая руки на груди, стоит на своем Вера Павловна, классный руководитель брата.

Она смотрит на меня поверх очков, и в ее взгляде столько превосходства, что мне хочется провалиться сквозь землю. Как будто это я — провинившаяся школьница. А она — судья, присяжный и палач в одном лице.

Фу, еще это её бесконечное «*Варвара*»... Так и тянет проплеваться. Терпеть не могу полную вариацию своего имени. Лучше уж Вареник. Или даже «*эй, ты*». Звучит так, будто мне сто лет и я на последнем издыхании в кресле-качалке распределяю наследство между правнуками.

— Вера Павловна, вы же знаете, что наш отец живет в Сестрорецке, ему не очень удобно добираться, — говорю я, стараясь, чтобы голос звучал заискивающе, почти умоляюще. — Чем я вас не устраиваю?

— Тем, что вы сестра, а не родитель, — отрезает эта противная женщина. — К тому же до Питера от Сестрорецка ехать меньше часа.

— Но Лёша живет со мной, вы же знаете... — игнорирую факт про расстояния, всё ещё пытаюсь спорить. — Я совер-

шеннолетняя...

— Варвара, я *помню* все детали, — перебивает меня Вера Павловна. Она поднимается из-за стола и подходит к окну, облокачивается на подоконник. — Но повторяю: разговаривать о поведении Лёши я буду с его родителями. Это точка. Будьте добры, свяжитесь с вашим отцом, я буду ждать его завтра в это же время. В противном случае позвоню ему сама.

Плюю на все приличия. Встаю, не прощаясь выхожу из душевного кабинета, при этом не преминув хлопнуть дверью так, что стекло в ней жалобно звякает.

Да уж, взрослости мне это точно не прибавит в глазах Веры Павловны. Но какая к черту уже разница? Ей все равно. Она не хочет меня слышать.

Замечаю брата за поворотом. Он стоит, подпирая стену, а вокруг него, аки горная коза, — очень кривоногая, правда, — прыгает коровка Миланка. Она верещит, размахивает руками, а Лёшка слушает ее с таким видом, будто она говорит что-то адски важное.

— Лёшиииик, — тянет она, заламывая свои тощие ручки. — Думаешь, меня приплетут, а? Ну, Лёш? Если мои родители узнают, что это я устроила, меня же убьют дома, ты знаешь!

— Лана, успокойся уже, — бурчит брат. Он отворачивается и смотрит в окно. — Твоих родаков не вызвали же в школу, это значит, что ты вне подозрений. — Ну вот нафи-

га ты шуму навела, а? — вдруг говорит он, поворачиваясь к ней. Его голос становится жестче. — Хрен бы с этой контрольной и оценками!

— Тебе легко говори-и-ить, — канючит идиотка. Она притоптывает ногой, изображая обиду. — А меня родители загрызут за двойку. Если бы не отвлекла внимание, меня сегодня точно бы вызвали отвечать, и я бы позорно провалилась!

— А для меня типа последствий не будет, да? — со злостью говорит Лёшка. Я вижу, как он сжимает кулаки, но сдерживается.

— Да, брось, Лёшик, из твоей глупой сестры веревки вить можно, — вдруг выдает Милана, и у меня внутри все холодеет. — Тебе бы этим побольше пользоваться. Она же тебя прикроет, несмотря ни на что.

Когда выхожу, как говорится, из сумрака, Лёшка замечает меня первым. Он округляет глаза и слегка толкает в плечо свою глупую подружку, та оборачивается. Ее лицо вмиг из просяще-преданного становится надменным.

— Надеюсь, ты хоть брата своего отстояла перед Токси? — говорит Милана, рассматривая свой облупившийся маникюр. — Должна же быть от тебя польза.

У меня внутри все клокочет. Смотрю на ее неприятное лицо, прыщи, которые она пытается скрыть тональным кремом, и мне хочется сказать ей что-то такое, после чего она заплачет. Для меня это не проблема. Могу, умею, практикую

подобное. Как говорится, Варвара Гуляева не только мастер спорта по прыжкам в воду. Но сдерживаю себя как могу, потому что еще одного скандала в этой школе нам точно не нужно.

— Кыш отсюда, — говорю я тихо, но с угрозой. — Иначе, клянусь, родители тебя *загрызут* же не за оценки.

Милана злостно сопит, оглядывается на Лёшку, который даже не смотрит на нее в ответ, и быстро ретируется. Наблюдаю, как она уходит, и чувствую, как внутри разливается странное удовлетворение. Маленькая мразь.

— Чё Токси тебе сказала? — тут же интересуется Лёша. Он подходит ко мне и смотрит с вызовом. — После уроков оставаться или что там еще?

— Притащить сюда отца, — говорю я прямо, глядя ему в глаза.

— Чё-ё-ё-ё? — удивляется брат. Его лицо бледнеет. — Да ты гонишь.

— Я тебя предупреждала, Лёш. Всему есть предел. Со мной ваша Вера Павлована уже отказывается говорить. Чем ты думал, когда свою буренку защищал? — повышаю голос, ощущая, как злость выплескивается наружу.

— Ты просто недостаточно старалась договориться с Токси! — орет мой брат и делает шаг ко мне с горящими глазами.

Мне кажется, что еще чуть-чуть, и я разревусь прямо здесь, в коридоре школы. Как бы я не старалась, брат видит

во мне чуть ли не врага, хотя все, что я делаю, — это прикрываю его жопу. Зато вон за свою корову глупую он горой стоит, на всё готов.

А тут подумаешь, сестра родная... Да класть он на меня хотел!

— Когда эта идиотка что-нибудь похуже вытворит, тоже ее прикроешь, а, Лёш? — спрашиваю я, стараясь, чтобы голос звучал относительно спокойно. — Как удобно тобой пользоваться, оказывается.

— Заткнись! — сжимает кулаки брат. — Ты ничего не понимаешь!

Разворачивается и уходит быстрым шагом.

Дома он, понятное дело, со мной не разговаривает. Опять. Потому что во всех смертных грехах надо винить меня.

А я, как маленькая, тяну до последнего прежде чем позвонить отцу. Была надежда, что брат сам это сделает — признает свою вину, возьмет ответственность. Но хрен там плавал. Он сидит в своей комнате, включил музыку на полную громкость и делает вид, что меня не существует.

Выхода нет, скоро рассвет...

Черт, звоним.

— Дочь, привет, — отвечает отец сразу, и его голос звучит крайне удивленно. Ну естественно, я же ему не звоню обычно. — Что-то случилось? — а потом спешно добавляет: — Как ты вообще?

— Привет, пап. Все ок, — говорю я, стараясь, чтобы голос

звучал ровно. — Завтра нужно зайти к классной руководительнице Лёши. Это срочно. Кабинет и время скину тебе в сообщении.

Выдаю это скороговоркой на одном дыхании.

— Что он сделал? — тон отца меняется: с заботливо-мягкого становится привычным, прохладным.

— Взорвал петарду в кабинете во время урока, — нет смысла скрывать, все равно Вера Павловна расскажет всё в мельчайших подробностях.

— Щенок! — грубо реагирует отец. Слышу, как он ударяет кулаком по какой-то поверхности. — Совсем от рук отбился!

— В общем, я тебе все сказала. Пока...

— Варь, подожди, я... — начинает отец, но я уже завершила вызов.

Мне физически противно общаться с ним, особенно с учетом того, каким хорошим и правильным он хочет казаться при новой жене. Типа начал реально все с чистого листа. Врун. Лжец. Я-то знаю, что он из себя представляет. Со мной можно не притворяться.

Пока пытаюсь отойти от этого короткого, но выматывающего на полную катушку диалога, в уведомлениях появляются сразу два сообщения.

Первое, естественно, от Лёшки, сидящего в соседней комнате и явно слышавшего наш короткий разговор с отцом.

Лёша ходит в драных одёжках: *предательница!*

Да-да, я плохая, знаю, в курсе.

И второе:

Макар: *всё на мази, Славик ждёт тебя в понедельник подписывать доки и приступать к работе.*

Ну хоть какая-то хорошая новость!

Но внутри то я понимаю: коэффициент трудности этого дня с учетом сообщения от мужа сестры совершенно не понижается.

К сожалению...

Глава 7

Слава

— Слушай, Макарон, мне не сложно помочь, — не отрываясь от очередного эскиза, проговариваю я. Рука привычно выводит линии, но концентрации не хватает. — Но прямо жопой чую, что ребенок отсюда сбежит довольно быстро.

Окидываю беглым взглядом Макара. Он сидит напротив в моем кабинете, развалившись в кресле, как у себя дома. Ноги на журнальный столик закинул. Наглая рожа, ничего не скажешь. Но я привык, мы знакомы уже больше семи лет, и его манера вести себя по-хозяйски в любом помещении давно перестала меня раздражать.

— Во-первых, Слав, не понимаю, о каком таком ребенке мы внезапно ведем речь, — хмыкает Макар, чуть не смахивая лапой чашку, балансирующую на подлокотнике. — А во-вторых, та, кого ты с какого-то хера вздумал наречь дитем, даст фору любой другой твоей администраторше. Поверь мне, она упертая, как танк.

Ну вот, эскиз получается дерьмовым. Что-то не так с линиями, пропорциями. Я раздраженно стираю угол, чувствуя, как внутри закипает глухое недовольство. Сомов меня отвлекает. И эта его просьба — тоже.

— Да мне пофиг так-то, — говорю я. — Пусть подваливает в понедельник к девяти утра. Ксения как раз будет на

месте здесь, оформит ее.

— Я ее привезу, — заявляет Макар.

Контролирующий орган нашелся.

— Что, прям жаждешь понаблюдать, как я встречу девчонку? Обратную связь потом вздумал мне давать по уровню эмпатии потом? — я приподнимаю бровь и смотрю на него в упор. — И, кстати, что, даже напутствий заранее не дашь никаких: типа руки не распускать, не обижать и так далее?

Макар хохочет громко и раскатисто. Его смех заполняет весь кабинет, отражается от стен. Я искренне не догоняю, чего уж насто-о-олько смешного он нашел в моих словах.

— Пффф, Слав, окстись, — Макар наклоняет голову и смотрит на меня снисходительно. Терпеть не могу, когда он так делает! — У тебя ж член стоит только на адовых сук, хотя это я погорячился со множественным числом, на одну такую конкретную... Так что *уж с тобой* Варвара в безопасности.

Хмурю брови и показываю фак. Максимум реакции от меня.

Макар осекается и чешет подбородок, будто размышляя над чем-то.

— Хотя вот других парней, конечно, предупредить стоит, — задумчиво тянет он. — Займусь, пожалуй. А то они у нас тут шустрые, сам знаешь.

— Херово ты, конечно, Макарон, благодаришь за такие одолжения, — скрещиваю руки на груди, наконец полностью отодвинув эскиз.

Сомов лишь машет на меня рукой и выходит из кабинета. Ну точно пошел пацанов пугать моментальной расплатой, если они только посмотрят на двоюродную сестру его жены.

Делаю глубокий вдох и затем выдох. Что-то работа уже как-то не идет.

Но вообще Макарон, конечно, прав — припугнуть парней стоит. Тут в основном сильно молодые ребятки трудятся: кто-то наработывает опыт, чтобы дальше перейти в другой мой салон (ну или не мой, такой вариант тоже допустим, не имею привычки держать людей насильно), кто-то только обучается. Можно сказать, что «Черный Лотос» на Лиговке — больше учебный центр, чем прямо тату-студия в привычном понимании. Я к такому формату долго шел, потратил уйму бабла и нервов, но сейчас меня точно все устраивает. Нет, и здесь у нас работают троечка опытных мастеров, включая самого Сомова (ему вообще тупо территориально удобно). Плюс я тоже здесь отираюсь, но быю исключительно по близкому знакомству, по большей части занимаюсь эскизами, обучением и управлением.

Короче, к чему это я? Да к тому, что к видной девке парнишки быстро подкатят. Молодые, горячие, полные тестостерона. Как увидят рыжую с зелеными глазищами — начнут круги наворачивать. А мне и вправду всякой хрени, по типу мутных замут и любовей в рабочем пространстве точно не надо. Не жажду разбирать конфликты из-за симпатий. У меня бизнес, и он должен работать как часы.

Образ этой Вари у меня, естественно, подсмазался за время. Почти два года — не шутка. Но помнится прекрасно, что там все пышет молодостью и красотой. Ага, и вдовесок горором невъебенным, завышенным ЧСВ и не слишком приятным характером в принципе. Это мне особенно засело в памяти.

Еще прекрасно помню, *какую* татушку ей набил почти два года назад... Я ж так прихренел, что припер эскиз сразу на блюдечке с голубой каемочкой. Потому что... повторяю, да я сам обалдел знатно, что *вот так* сложилось. Думал, такое только в сказках бывает. Нарисовал образ нимфы ночью на одном дыхании, видел перед собой конкретный образ. А потом почти полное его воплощение заявилося ко мне ровно на следующий день.

Хотелось промыть глаза с мылом, чтобы очухаться, но мне не показалось. Считаю важным сразу обозначить, что не сама девчонка меня привлекла, мелочь же она, дите совсем... Просто сам факт, что мозг мне такое подсунул... Кому расскажешь — не поверят.

Пофиг, хрен с ней, пускай поработает. Стоило бы забиться, конечно, с Макаром, сколько эта мелкая тут продержится. Я бы поставил на недельку. Максимум — две. Девчонка с таким характером долго не выдержит. Хотя хреново забиваться на ту, кто по факту Сомову уже родственница, пусть и со стороны жены.

Какую там еще мысль успел озвучить мой «добрый» друг?

Что у меня член стоит только на адовых сук? Спешу разуверить, это не так. Прибор шикарно работает во всех приятных ему обстоятельствах. Я далеко не монах, и не жалуюсь. Пожалуй, можно вычеркнуть из списка «приятных обстоятельств» вредных мелких родственниц друзей. Да, вот так уже норм.

Это *сердце*у меня стоит на сук. Точнее, на одну очень конкретную. Тьфу, нахрена я повторяю за Макароном и называю *её*сукой. Тем более что я сам так не считаю.

Кстати, как *онатам* поживает? Явно хорошо, раз от нее нет вестей уже недели три с половиной точно.

Надо бы зайти в одну очень известную социальную сеть. Наверняка ее профиль пополнился очередной порцией фоток... В Европе как бы грех не запечатлеть себя любимую и красивую на фоне исторического роскошества, что *она*и делает на ежедневной основе.

Да, пожалуй, могу выделить пять минут на залипание. А может, и все пятнадцать.

Глава 8

Слава

Ну ладно, Макар правильно сделал, что припугнул парней насчет своей родственницы. Я ж уже говорил, что контингент у нас из того разряда, где ребят жизненно необходимо предупредить о последствиях потенциальной опрометчивости. Молодые парни, кровь кипит, отлично осознают, что есть определенные девчонки, которые западают на татуировщиков, и планируют активно это использовать, как только окончательно выйдут в профессию. Да кто-то уже сейчас этим начинает кичиться. Есть, конечно, ребята несвободные, а есть... те, кто не прочь повеселиться... особенно кто приезжает учиться ко мне из других городов. Чё им тут стесняться.

Блин, к чему это я?! К тому, что девчонка и вправду видная, тут не поспоришь. Мне кажется, что сказать *«всё при ней»* — это даже какое-то оскорбление в ее случае. Залипательная, красивая...

Только вот ещё мелкая и с юношеской глупой вредностью — это я тоже про нее знаю. О чем и предупреждаю Ксюшу заранее, потому что ей предстоит погрузить девчонку в процессы работы. Ксюша, кстати, наш главный HR. Она и найм, и работа с действующими сотрудниками, и менеджер по адаптации. Короче, и швец, и жнец, и на дуде игрец. У нее есть пара ассистенток, но встречает нового администра-

тора на Лиговке она сама. Я доверяю Ксюшке как себе. Она знает, как работать с людьми, чувствует их настроение, если она дает добро и говорит, что человек задержится у нас — значит, так и есть.

Сомов, кстати, только привез Варвару в салон, не более, потом уехал по своим каким-то рабочим делам, предварительно еще пригрозив парням кулаком, типа в шутку. Только вот все знают, что в его этой шутке достаточно приличная доля правды. Если он сказал, что прибьет любого, кто посмотрит на Варю не так, — он это сделает.

Варе я успел при встрече только кивнуть, на что она совершила подобное ответное действие, чуть сузив глаза, потом ее забрала Ксюша, а меня ждала куча работы.

— Знаешь, Слав, не думала, что ты склонен к преувеличениям и снобизму, — говорит Ксюша, зайдя ко мне в кабинет сильно после обеда. Она плюхается на диван, скрещивает ноги, параллельно печатая что-то в телефоне.

— В плане?

— Ты так утверждал, что Варя Гуляева сложная, с юношеским максимализмом, ведром гонора и вредности...

— Ну как бы да, — я пожимаю плечами. — Ты спросила, а я ответил. Что не так?

— Хорошая она девочка, — заявляет Ксюша, и в ее голосе слышится что-то, похожее на укор. — Нейтральная, умная, скоростная, а самое главное — ответственная. Не наш формат, правда...

— Она еще себя покажет, все сначала хотят казаться приятными, — отрезаю я, ощущая, как внутри поднимается волна глухого упрямства. — А почему не наш формат, Ксень?

— Ой, Слав, давай ты не будешь рассказывать мне сказки венского леса, — Ксюша откидывается на спинку дивана и смотрит на меня очень так снисходительно. — В чем она должна себя показать? За столько лет работы с людьми я более чем уверена в той характеристике, которую дала. Но девочке с *такими* данными куда-нибудь в студию красоты работать. Слишком она хорошенькая, пусть и характер определенный присутствует, да и татушек я не заметила. Это плохо, у админа тату-студии должен быть собственный опыт, — разводит руками мой HR.

— Есть у нее татуировка, Ксень, правда, насколько мне известно, одна. Прямо под грудью.

Ксюша хмыкает и выгибает бровь. Ее взгляд становится изучающим.

— Я не то чтобы осуждаю тебя, — медленно говорит она, подбирая слова. — Но Макар тут выносил всем мозг, чтобы в сторону Варвары не дышали даже. А получается, что ты...

Блин! Ну не может она серьезно про такое! У меня аж челюсть сводит от возмущения. Я смотрю на Ксюшу и чувствую, как внутри закипает раздражение. Она что, правда думает, что я способен кого-то трахнуть и привести потом сюда работать? Или что я в принципе поймел малую и Макар меня за это не прибил на месте?

— Господи, Ксень! Остановись вот сейчас, — говорю я, стараясь, чтобы голос звучал больше твердо, чем Пораженно. — Яей эту татушку и бил почти два года назад. Да и не фанат такой разницы в возрасте, знаешь ли, — заче-то до-бавляю вдогонк.

— Пффф, — фыркает Ксюша. — У меня с мужем разни-ца в семь лет и ничего. Я во многих вещах ментально его старше.

— Бля, Ксюш, давай вот закроем эту тему, как-то даже говорить об этом неловко, — прошу я.

Мы говорим еще какое-то время, но сегодня бешеный день. Поэтому я то работаю с клиентами, то бегаю по кабинетах учеников. В последние два месяца занятость такая, что есть огромное желание бросить всё и поехать отдохнуть. Да я в отпуске, блин, не был года четыре уже. Рванул бы в Европу, может, встретился бы там с... Так, стоп. Как-то без глупостей уж стоит обойтись как будто бы.

Когда выхожу из своего кабинета уже вечером, собираясь проверить все и отправиться домой, понимаю, что Варя всё еще за стойкой. Она что-то смотрит в мониторе, склонив голову набок, и ее рыжие волосы падают на плечи, закрывая половину лица.

А рядом активно увивается Степан. Совсем недавно парень тут начал тренироваться. Он вообще из Нижнего, достаточно талантливый. Хотел после обучения и небольшой практики свалить обратно на малую родину, но Питер его к

себе, судя по всему, намертво приманил. Я смотрю, как он нависает над стойкой, как старается казаться классным и интересным, как улыбается и пытается шутить.

Выглядит как идиот, честное слово.

Варя на Степана даже не смотрит, так чисто кивает из вежливости и блекло улыбается. Парень, конечно, считывает ее настроение, явно расстраивается, что не производит должного впечатления, но и сдаваться ему жаль.

— Стёп, мёдом намазано? — с явным намеком говорю я, подходя ближе.

Тот спохватывается, видимо, подразумевая, что я так же опасен, как и Сомов. Быстро прощается с Варей и ретируется, не солоно хлебавши. Смотрю ему в спину и качаю головой.

Девчонка поднимает на меня глаза. И я откровенно залипаю. Как художник, пожалуй, на цвете глаз. Поразительный зеленый. Удивительно! Никаких примесей других цветов на радужке. Обычно в таких глазах куча вкраплений коричневого цвета или даже серого, а тут чисто зеленые оттенки. Хочется даже открыть пантоновскую палитру и свериться...

Замечаю, как девчонка слегка прищуривается, и понимаю, что она мне явно что-то сказала, а я как замороженный пялюсь в ее глаза. Черт. Я моргаю, пытаюсь прийти в себя.

— Домой собираешься? — спрашиваю как-то грубовато.

— Нет, мне тут так понравилось, что решила пожить. Раз решишь?

Очень язвительно, особенно для ответа боссу. Она возвращает взгляд в монитор. Ладно, там у девчонки жесть в жизни, не буду обращать на повышенный гонор в мою сторону внимание. Тем более устала за первый день.

— Подвезти тебя до метро? — внезапно для самого себя предлагаю я, видимо, потому что сыночка у мамы воспитанный.

Девушка чуть надувает губы, и я, как дурак, концентрируюсь уже на другой ее части лица. Тоже красивой, между прочим. Естественные, без всякой химии, слегка припухшие, с четко очерченной верхней дугой и полной нижней. Я знаю разные возможные формы накачанных губ, но у Вари они стопудово свои. Я же говорю, вот это природа на ней, конечно, поколдовала. Сполна отвалила красоты.

— До метро? — выгибает левую бровь девушка. В ее голосе походу прописалась ирония.

— Э-э-э, — тяну я, чувствуя, как внутри разливается странное желание быстро ретироваться отсюда. — С учетом того, что до метро идти минут семь, соглашусь, хреновое предложение. Могу тогда до дома подбросить. То есть до подъезда, имею в виду.

Она губы свои кусает и скручивает параллельно волосы в жгут на затылке. Для этого чуть поднимает руки, и футболка натягивается на груди чуть сильнее. Господи, Вячеслав, какого хера ты вообще это замечаешь! Отвожу взгляд на наручные часы, делаю вид, что смотрю время.

— Нет, спасибо, меня заберут, я до этого Степе уже то же самое сообщила — наконец чеканит девушка.

Вот черт! Степан же к ней подваливал, явно ключиками от тачки вертел, предлагал подвезти. Я его шуганул, а теперь по факту делаю ту же херню. Только у меня и в мыслях ничего предосудительного было.

— Я не имел в виду... — начинаю говорить, но меня опережают.

— Ага, я так и поняла, — режет Варя, моментально переводя тему. — Спасибо, что согласился устроить меня на работу, кстати.

Ага, не за что. Подумаешь, вот почувствовал себя дебилом, но это так, фигня.

Жесть, блин.

— Макар тебя подвезет? — вылетает из моего рта за каким-то хером.

Блин, вот я слышу неразговорчивым и интровертным. Знаю, что за мной закрепилась кликуха «Хмурый». Сейчас то чего меня понесло на вопросы и худо-бедно общение?!

— Нет, — отрезает Варя и дальше не развивает разговор.

Ясно-понятно. Ну ничего удивительного, говорю же, девка видная. Естественно, кто-то у нее есть. Вот облом нашим пацанам по всем фронтам. С одной стороны Макар, а с другой — какой-то там молодой человек самой Варвары.

Когда ухожу минут через десять, ловлю себя на странной мысли: я был бы не прочь дать крюк и подвезти девчонку

домой. Это не то же самое, что подразумевал за такой услугой Степан. Типа, почему бы не помочь ей? Тем более, что Макар мне не чужой человек, дружим столько лет.

Это вообще рядом не стояло с тем, что было в голове у Стёпы.

Тьфу! Да кого я вообще в этом убеждаю и зачем.

**Образ Вари в первый рабочий день выложила в посте у себя в тгк-канале natachitaetipishet*

Глава 9

Варя

— Я скажу твоей маме, что ты мне не помогаешь. И хренушки тебе по итогу будет, а не машина. У тебя и так испытательный срок, — шипит Лёля своему двоюродному брату, когда мы выезжаем с парковки Черного Лотоса.

— Только и можешь, что стучать, — бурчит Платон.

— А ты вообще нихрена не можешь. Напомнить тебе, где и по какой именно причине ты учишься, а? — складывая руки на груди, продолжает язвить девушка.

— Ребят, давайте уже как-то успокоимся, — это я с заднего сидения пытаюсь внести свою лепту в разгорающийся семейный конфликт.

Крашенинников дуется, но больше не спорит. Молча перестраивается в правый ряд, и для всех становится очевидным — крепость пала под натиском манипуляций. Ибо в итоге Платон, конечно же, едет в универ и даже великодушно разрешает нам подождать в машине, пока он заберет все необходимое самостоятельно. Студвесна в разгаре, и Леля моментально стала активным участником, ворвалась в два танцевальных номер, а её мама обещала сшить юбки девочкам. Платона попросили быстренько заехать в универ за тканью, которую уже приготовили. И да, закрепим, что он всё-таки повез нас не по доброте душевной, не из любви и ува-

жения к сестре и точно не из желания просто помочь. За тачку он боится. Мать реально может лишить его средства передвижения, тем более что вернула она ему машину буквально месяц назад. До этого он просто наездил такое количество штрафов, что это стало для женщины последней каплей. Машину, короче, конфисковали у него на всю зиму.

Человек чуть не умер смертью храбрых из-за того, что ему как-то даже пришлось спуститься в метро. От стресса, бедный, потом чисто на такси разъезжал.

Когда мы остаемся с подругой вдвоем в салоне, Лёля со скоростью болида поворачивается ко мне и буравит очень заинтересованным взглядом. Кажется, грядет допрос с пристрастием.

Спаси и сохрани...

— Как парни? — спрашивает она, и в ее голосе появляются те самые игривые нотки, которые обычно предвещают долгий и подробный разбор.

— М?

— Блин, Варь, пока мы без этого блюстителя благочестия, поведай, как там парни на тебя отреагировали. С кем-то познакомилась? — она подается вперед и смотрит на меня с таким восторгом, будто я выиграла в лотерею, а не устроилась работать администратором.

— Со всеми познакомилась, Лёль, — вздыхаю я, чувствуя, как внутри разливается легкое раздражение. — Это моя работа теперь — знать всех. Я же сказала, всё окей, мне понра-

вилось.

Мне правда понравилось.

— Я тебя сейчас стукну, — угрожает она, сжимая кулак и поднимая его шутливо. — Ты не хочешь ничего рассказывать, а я хочу слушать! Это нечестно!

Да господи! Понимаю я отлично, *что* Лёлька имеет в виду, но настолько сегодня замоталась, что даже ранее довольно интересная для меня тема видится потенциальным усилением головной боли. В висках пульсирует, глаза слипаются, и я чувствую, как каждая клетка тела требует отдыха.

— Там Макар постарался, чтобы меня обходили за метр. Ты же в курсе, — говорю я, пытаюсь, чтобы в тон голоса не просочились раздраженные нотки. — Он реально всех припугнул.

— Бли-и-и-н, — вызывает к небесам подруга, закатывая глаза. — Где экшен?! Где запретная любовь?! Где история, как какой-нибудь засланный казачок, который выведывает все секреты тату-салона под прикрытием, решает подобрать-ся ко всяким там деталям через тебя, но влюбляется до беспамятства и вы вместе против всего мира...

Я ржу в голос. Лёля подхватывает мой смех, и мы обе начинаем хохотать, как сумасшедшие.

— Блин, — закашливаюсь от смеха, пытаюсь отдышаться. — Тебе срочно надо читать что-то менее... м-м-м... слащавое и романтическое, Лёль. И с книгами про мафию, кланы и трофейных жен тоже как-то давай останавливайся. Ты реально

перечитала всяких романов, у тебя уже крыша едет!

— А что?! — возмущается она, но в глазах танцуют смешинки. — Это же интересно! Гораздо круче, чем твоя скучная реальность, где все, вероятно, вполне себе приличные парни, тебя на работе будут обходить за сто метров из-за Макара!

Смеемся еще больше, а потом вместе орем как резаные, потому что раздается стук в стекло со стороны подруги, и мы пугаемся до усрачки.

Влад Игнатьев смотрит на нас через окно машины и крутит пальцем у виска, намекая, что мы орем как ненормальные. Потом жестом показывает нам опустить стекло. Ха! Самонадеянный болван! Мы с подругой тоже показываем очень синхронно ему довольно известный жест, и я чувствую, как внутри разливается удовлетворение. Тут уж мы с Лёлей едины.

Парень кривится и с ленцой отходит к своей машине, по пути оборачиваясь и сначала расставляет два пальца в форме буквы V, подносит к лицу и... ну понятно, что он там показывает. Потом салютует нам вдогонку.

Он просто невыносим.

— Какой же придурок, — устало откидывается на кресло Лёля. Она закрывает глаза на секунду, потом открывает и смотрит в потолок. — Это ужасно, что теперь ты в универ будешь ходить условно два через два! Он сегодня на репетиции просто всех доконал, вынес мозг! Я его не вывожу. Даже

когда этот тронутый башкой тупл молчит и находится неподалеку, аж кулаки автоматом сжимаются. Вот посмотри, — показывает свои руки подруга для пущей убедительности.

— Игнатьева надо тупо игнорить, это бьет по нему сильнее, ты же знаешь. — пожимаю плечами я, стараясь, чтобы голос звучал спокойно. — Он же внимания и добивается. Хочет, чтобы ты реагировала.

— Угу, да шас, Варь, — фыркает она. — Игнор только сильнее его триггерит. Он тогда начинает еще больше доставать.

Я понимаю, что девушка начинает заводиться, и разговор о том, как она терпеть не может Игнатьева, может продлиться в течение всей дороги до дома. Если бы я так не устала, то с удовольствием бы поддержала. Но сегодня эта заезженная пластинка — не вариант.

— Меня сегодня клеил один челик, который недавно обучение в студии закончил. Предлагал подвезти, — говорю я, чтобы сменить тему.

— О-о-о, — мгновенно переключается Лёля. Ее глаза загораются, и она подается ко мне. — Смертник что ли? Давай подробности.

— Похоже, любит нервишки пощекотать, да, — пожимаю я плечами. — Зовут Стёпа, кажется, ему двадцать два, приехал из Нижнего. Пока тренируется в этой студии, дальше надеется, что Слава воспылает к нему рабочим почетом и уважением, устроит его уже официально.

— Прикол, прикол... — Лёля задумчиво кивает. — Симпатичный? Понравился? Ты сама как? — закидывает вопросами подруга, и я ощущаю ее любопытство буквально кожей.

— Не стоит гадить там, где ешь, Лёль, — поигрываю бровями и заставляю подругу в очередной раз засмеяться.

— Вот это мы заговорили! — восклицает она и хлопает в ладоши.

По итогу мы успеваем перекинуться еще парой фраз, а потом возвращается в край недовольный Платон. Он закидывает ко мне на заднее сиденье несколько пакетов с тканью и садится за руль с таким видом, будто мы все должны ему по меньшей мере в жопу подут

Клянусь и божусь Крашенинниковой, что больше ничего интересного в первый день работы не произошло, а по поводу поползновений Степана и других потенциально заинтересованных лиц мужского пола я далее буду сообщать подруге незамедлительно.

Предложение подвезти меня до дома от самого биг босса я не транслирую Лёле. Не знаю почему, но решила, что не стоит об этом рассказывать. Ясен пень, это он просто из вежливости какой-то не до конца мне понятной сделал, потому что с утра мой... кхм... начальник со мной даже не поздоровался. А я вообще-то типа новый сотрудник. И за целый день ни слова мне не сказал, не спросил, как дела вообще. Будто я пустое место.

Воистину Хмурый.

А то, что он меня предложил до метро/до дома подвезти — это дань дружбе с Макаром. Только вот такой благотворительности мне не надо, спасибо. И так уже тот факт, что мне дали работу, — уже ого-го. Мое дело — хорошо ее выполнять. Поэтому не нужны мне проблемы в виде парней всяких там, заинтересованных лиц. В основном же сугубо мужской коллектив на Лиговке, да еще и переменчивый, поэтому повышенное внимание к моей персоне понятно. Я не дура. Логично, что в таком месте сложно остаться незамеченной. Короче, я отчасти благодарна Макару, что он им всем пальчиком пригрозил. Стёпа вон попытался, не фортануло, думаю, что отвалит. Не тот он типаж, который будет прям увиваться и добиваться, жопой чую.

И мне вот сейчас не до всего этого уж точно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.